

Коринфский Аполлон Аполлонович

**Седая старина. Десять
бывальщин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А76

А76 **Аполлон Аполлонович К.**
Седая старина. Десять бывальщин / Коринфский Аполлон Аполлонович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 131 с.

ISBN 978-5-519-90342-4

ISBN 978-5-519-90342-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

УСЛИ-
САМОГУДЫ.

Всенный сказь бога-
тырскихъ времянь...

Съ именемъ *Владимира Святого Святославича* („Красна-Солнышка“, „ласкова князя стольно-кіевскаго“) связанъ въ пѣснотворествѣ народной Руси весь циклъ былинъ кіевскаго періода. Въ этихъ пѣсенныхъ сказахъ народныхъ онъ неизмѣнно представляется окруженнымъ семей-дружиною „славныхъ и могучихъ богатырей“, на пирахъ, въ ореолѣ своей славы. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Михайло Потокъ Ивановичъ, Алѣша Поповичъ, Ставръ Годиновичъ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ—излюбленные герои богатырскихъ былинъ Владимірова времени. О каждомъ изъ нихъ существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ-сказаній, но больше всѣхъ—объ Ильѣ Муромцѣ („крестьянскомъ сынѣ“), наиболѣе любезномъ народу-сказателю своею прямою и „правдой неумытною“. Въ одной изъ былинъ, посвященныхъ ему (повторяющейся въ нѣсколькихъ вариантахъ-разносказахъ), ведется рѣчь о томъ, какъ однажды онъ пострадалъ за свою прямоту и,—оговоренный Алѣшей Поповичемъ и Чурилой Пленковичемъ, досадовавшими на него за обличенія ихъ легкомысленнаго нрава и щегольства,—былъ посаженъ „въ погреба глубокіе, за двери дубовыя, подъ замки желѣзные“. Одинъ изъ вариантовъ этой былины и составляетъ содержаніе настоящаго пѣсеннаго сказа.

I.

Не бѣла заря сходилася
Съ алой вечера зарѣй,—
Выходилъ князь со княгинюшкой
За почестень столъ княжой.

Володимеръ—Красно-Солнышко—
Звалъ на пиръ богатырей,
Всѣхъ бояръ своихъ и тысяцкихъ
И заѣзжихъ звалъ гостей.

Собралась вся въ княжьей гридницѣ
Богатырская семья:
И Алѣша, и Добрыня былъ,—
Не пришелъ одинъ Илья...

Да и какъ придти-то Муромцу!
Былъ онъ нѣзванъ: правдой смѣлъ,—
За своё за слово правое
Въ заточеньи онъ сидѣлъ...

Ставрѣ, Потокѣ, Чурило Пленковичѣ—
Всѣ здѣсь были у стола;
За медáми за стоялыми
Всё хмѣльнѣй бесѣда шла;

Скоморохи потѣшали всѣхъ...
Былъ одинъ не веселъ князь,—
Словно ихъ пѣснѣ не по-сердцу
Красну-Солнышку пришлась...

Думу думалъ онъ, кручинился;
Даже фряжское вино
Было свѣту-князю ласкову
Точно вóвсе не хмѣльнó...

Вотъ идѣтъ гусярь во гридницу;
Тронулъ гусли-мысли онъ,
Чтó волнами перекатными—
Полился гусѣльный звонъ...

То не лебедь за лебѣдушкой
Изъ Почайны въ Днѣпръ плывѣтъ,
Не удалъ-ли добрый молодецъ
Съ красной дѣвицей идѣтъ?

То не лѣсъ-ли, не зелѣный-ли,
Всей листвою своею шумить;
Не орда-ли печенѣжская
Въ степь отъ Кіева бѣжить?

То не князя-ль Володимера,
Не его-ль богатырей
Самогуды-гусли чествуютъ
Пѣснюю звонкою своею?!

Всѣ заслушались захожаго
Гусляра—что соловья;
Пріосанилася княжая
Богатырская семья:

Любо всѣмъ; всѣмъ пѣсня—по-сердцу,
И по нраву всѣмъ пришлась...
Что-жъ не весель, что-жъ не радошень
Осударь-надѣжа—князь?!..

Туча-тучей принахмурился,
На княгиню не глядитъ...
„Не такія пѣсни-бъ слушать мнѣ!“—
Гусляру онъ говорить:

„По новѣе спой!“...— „Эхъ, спѣлъ бы я,
Да тебя гнѣвить на что-жъ!..“
— „Пой-играй!“—промолвилъ Солнышко:
„Гнѣвъ—на милость наведёшь!..“

II.

То не ходять въ небѣ пазори,
То не дождь шумить, не градъ,—
Самогуды-гусли грянули,
Пѣсню ладятъ-говорятъ:

„Гой еси, князь стольно-кіевскій!
Всей твоей дружинѣ—честь,
Да надъ всей дружиной на́большій
Богатырь у князя есть:

„Подъ семью замка́ми въ погребѣ,
Старопрежней славой сытъ,
За дверями за дубовыми
На цѣпи, какъ звѣрь, сидитъ...

„Ой, за что-жъ такую почестью
Взысканъ княземъ онъ, съ чего?!.—
За простое-ль неподкупное
Слово правое его?!.

„А съ чего-жъ его не вижу я
На почестномъ на пиру?..—
Неумытная-ль крестьянская
Правда здѣсь не ко-двору?!.

„Не пора-ли князю вѣрога
Новой лаской подарить?—
Не послать-ли за провинности
Буйну-голову срубить?!.

„Тѣ-то честь была-бы старому!
Тѣ-то-бъ славушка пошла
По всему по свѣту бѣлому
Про княжія про дѣла!“..

Смолкъ гусярь... Всѣ—такъ и ахнули;
Вся дружина поднялась,—
Гѣмонъ-шумъ пошелъ по гридницѣ...
Да махнулъ рукою князь,—

Всѣ затихло... Краснымъ-Солнышкомъ
Глянулъ онъ на старика;
Знай—оглаживаетъ бороду
Княженѣцкая рука.

На Алёшу на Поповича,
На Чурилу князь глядитъ,—
— „Исполать тебѣ, старинушка!“—
Гусярю онъ говоритъ:

„Бью челомъ за пѣсню новую!
Здѣсь никто такъ не пѣвалъ,
Самогудовъ-гуслей звончатыхъ
Я такихъ ввѣкъ не слыхалъ...

„Гей! Скорѣй бѣгите, ключники,
За обидчикомъ моимъ,
Приведите злого вѣрога,—
Судъ мы правый учинимъ!

„Есть кому надъ нимъ натѣшиться,—
Побратимовъ мало-ль есть?—
Воздадимъ злодѣю лютому
По его заслугамъ честь!..

„Ты скажи-ка мнѣ, Алёша-младъ,
Какъ обидчика сказнить?
Чѣмъ его, Чурило, фряжскій гость,
Намъ за дерзость наградить?!.“

Держить рѣчь князь, ухмыляется,
Гладить бороду рукой...
У Чурилы—сердце зѣмерло,
Младъ-Алёша—самъ не свой...

III.

Не съ ловитвы княжьи отроки
Въ торокахъ звѣрьё везуть,—
Матерóго дѣда—Муромца—
Въ гридню ключники ведутъ;

Привели,—понурилъ голову...
Вышелъ князь изъ-за стола,
Подошелъ къ нему, самъ рѣчь держалъ:
„Свѣтъ-Илья! Не помни зла!..

„Ты прости меня за лютый гнѣвъ,
Заодно -- и тѣхъ прости,
Кто хотѣлъ тебя, изъ зависти,
Передъ княземъ обнести:

„Безъ того они наказаны,
Какъ наказанъ самъ и я,—
За вины мои немалыя
Грѣхъ попуталъ и меня!..“

Обнялъ князь Илью,—повѣлъ его
За почестенъ-бранный столъ,
Посадилъ съ собою обѣ-руку,
Слово сызнова повѣлъ:

„Вѣренъ былъ ты мнѣ, Добрынюшка,
Свѣтъ-Никитичъ! Ты, Потокъ,
Взялъ, Михайлушко, и удалю,
Былъ и разумомъ глубокъ!

„Ставръ Годиновичъ, богатырскою
Ты прославленъ мощью былъ!
Ты, Алѣшенька Поповичъ-младъ,
Не щадилъ за князя силъ!

„Ты, Чурило, бралъ богатствомъ,
Былъ во всѣмъ очестливъ къ намъ...